

Октябрьский переворот 1917 года и крах «русской идеи» Н.А. Бердяева

Бойко Владимир Анатольевич,

кандидат культурологии, доцент,

доцент Федерального государственного бюджетного

учреждения науки Института философии и права СО РАН,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: 0000-0002-0365-5171

vboyko100@gmail.com

Аннотация

Н.А. Бердяев развивает принципы осмысления национальной идеи, сформулированные В.С. Соловьевым. Русская идея рассматривается в контексте становления богочеловечества. Подчеркивается приоритет универсальной божественной воли, отстаивается необходимость обновления христианства и общественной жизни. Религиозное возрождение Бердяев связывает с развитием личностного начала, воспринимая христианство как откровение о личности, а идею рыцарства как преддверие христианской антропологии. Важнейшим аспектом реализации идеи русского народа-нации для Бердяева является рыцарский идеал – основа формирования нового религиозного сознания, альтернатива «мировому мещанству» и самодовлеющей государственности. Первоначально о «русской идее» Бердяев высказывается в связи с Первой русской революцией. Он полагает, что России предуготовлена великая миссия: стать мостом между христианским Востоком и Западом. В русском человеке, вобравшем в себя рыцарские добродетели, снимается индивидуализм Запада, осуществляется синтез двух векторов исторического развития. Эта тематика актуализируется в период Первой мировой войны, и особенно после свержения самодержавия. Бердяев надеется, что революция освободит духовные силы народа, будет сопровождаться формированием национальной аристократии духа. Но летом 1917 года философ указывает, что Россия приносится в жертву революционной стихии. Победа большевиков в борьбе за власть подтверждает опасения Бердяева: в России возобладали силы хаоса и распада, отсутствует творческое развитие. Торжество буржуазного идеала благополучного обустройства в посюстороннем мире, равенства и справедливости над иерархическим принципом устройства мироздания выступало для него симптомом деградации русского народа, что означало крах «русской идеи» Н.А. Бердяева.

Ключевые слова: русский народ, русская идея, революция, иерархия, личность, ответственность.

The October Upheaval of 1917 and the Collapse of N.A. Berdyaev's "Russian Idea"

Vladimir Boyko,

Cand. Sc. (Culturology), Associate Professor,

Associate Professor, Institute of Philosophy and Law, SB RAS,

8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0365-5171

vboyko100@gmail.com

Abstract

N.A. Berdyaev develops and elaborates the principles for comprehending the national idea, previously formulated by V.S. Solovyov. The founder of the philosophy of All-Unity linked the meaning of a nation's existence with the destiny of the Christian world, the Universal Church. According to Solovyov, the national idea has universal character, it consists in what God thinks of the nation in eternity. In his works Berdyaev examines the Russian idea in the context of the establishment of God-manhood formation, emphasizes the priority of a universal, objective Divine will, calls for the renewal of Christianity and all aspects of social life. The personalist philosopher connects the impending religious revival with the development of the personal principle. He perceives Christianity as a revelation about the person, and the Western European idea of knighthood as the threshold of Christian anthropology. The most important component of the realization of the Russian people-nation is the knightly ideal – the basis for forming a new religious consciousness, an alternative to 'worldly philistinism' and total self-sufficing statehood.

Initially, Berdyaev's attention to the "Russian Idea" was connected with his reflections on the causes and consequences of the First Russian revolution of 1905-1907. He came to the conclusion that Russia was destined for a great mission – to become a bridge between the Christian East and West, to unite humanity in its progressive historical improvement. To fulfill this mission, the Russian people must overcome their inherent shortcomings and create favorable conditions for perfecting the personal principle within its bounds. In the Russian person, who has absorbed knightly virtues, Berdyaev believes, the individualism of the West is superseded, and a synthesis of the two vectors of historical development, East and West, is realized.

The theme of Russia's world-historic world mission becomes urgent in Berdyaev's work in connection with the country's entry into the First World War, and especially after the overthrow of the autocracy in February 1917. He views the victory of democracy in Russia as an external condition for the emergence of spiritual knighthood, whose thoughts are directed beyond the empirical world. The Russian philosopher hopes that the revolution will liberate spiritual forces of the people and will be accompanied by the formation of national aristocracy of the spirit. But in the summer of July 1917, Berdyaev observes that Russia is being sacrificed to the revolutionary element. He considers the Russian person's inclination towards social utopias a consequence of centuries of slave-like existence of the people, the absence in the Russian national character of a sense of duty and responsibility. The Bolsheviks' victory in the struggle for power in the

autumn of 1917 confirmed Berdyaev's worst fears. He states that in Russia, the forces of negation and degeneration, the force of chaos and disintegration have prevailed. There is no genuine revolutionary movement, no creative development. Class consciousness destroys respect for the human person. The triumph in Russia of the bourgeois ideal of prosperous existence in the material world, of equality and justice, over the hierarchical principle of the universe's order, was symptom of the degradation of the Russian people and meant the collapse of N.A. Berdyaev's "Russian Idea".

Keywords: Russian people, Russian Idea, revolution, hierarchy, person, responsibility.

Библиографическое описание для цитирования:

Бойко В.А. Октябрьский переворот 1917 года и крах «русской идеи» Н.А. Бердяева // Идеи и идеалы. – 2026. – Т. 18, № 3, ч. 2. – С. 387–410. – DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.3.2-387-410.

Boyko V. The October Upheaval of 1917 and the Collapse of N.A. Berdyaev's "Russian Idea". *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2026, vol. 18, iss. 3, pt. 2, pp. 387–410. DOI: 10.17212/2075-0862-2026-18.3.2-387-410.

«Русская идея» и развитие рыцарского идеала Н.А. Бердяева

Многовековым богатырским сном дремлет самосознание народа русского в склепе идеологии «Москва – третий Рим». Попытку пробудить русский народ к деятельной жизни, освободить его из-под чар этноцентризма предприняли отечественные мыслители конца XIX – первой трети XX веков, поставив вопрос «о смысле существования России во всемирной истории» (В.С. Соловьев) посредством разработки различных вариантов «русской идеи». Соловьев стремился придать «русской идее» универсальный характер, философскую глубину, освободить ее из-под спуда утопических, политических и психологических коннотаций отечественного, как выражался Г.Г. Шпет, невегласия. Согласно Соловьеву национальная идея заключается не в том, что нация «думает о себе во времени», а в том, что «Бог думает о ней в вечности» [23, с. 312]. Смысл существования нации основоположник философии Всеединства связывал с судьбой человечества, христианского мира, Вселенской Церкви. В способности русских людей к самоотречению он видел величие России. О склонности русской души «к всемирной отзывчивости и к всепримирению», о том, что ее нравственной чертой является способность «вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия» [22, с. 131], писал Ф.М. Достоевский, который, впрочем, отождествлял русскую идею с российским имперским мессианизмом.

Н.А. Бердяев разделяет антипартикуляристическую интерпретацию русской идеи, предложенную В.С. Соловьевым. В своих сочинениях Бердяев отстаивает приоритет универсальной объективной божественной воли, призывает к обновлению христианства и всех сторон общественной жизни, связывает грядущее религиозное возрождение с развитием личностного начала. В его творчестве русская идея рассматривается в контексте становления богочеловечества. Факторы и тенденции, способствующие ускорению этого процесса, Бердяев на протяжении многих лет пытается вычленивать из потока событий, разворачивающихся, прежде всего, на русской почве.

Первоначально внимание мыслителя к «русской идее», стремление выявить подоплеку социального и культурного развития России было связано с поражением Первой русской революции 1905-1907 годов. Бердяев, размышляя над ее причинами и последствиями, пришел к выводу, что России должна стать мостом между христианским Востоком и Западом, связать воедино человечество в его поступательном историческом совершенствовании [19]. Но для осуществления этой всемирно-исторической миссии русский народ должен преодолеть присущие ему недостатки, создать благоприятные условия формирования и совершенствования в его пределах личностного начала.

Важнейшей составной частью реализации идеи русского народа-нации, согласно Бердяеву, является рыцарский идеал, формирование которого мы проследили в своих предыдущих статьях [18, 20]. Христианство философ-персоналист воспринимал как откровение о личности, и западноевропейская идея рыцарства, где во главу угла поставлены непреходящие основы морали – героизм и честь, предваряла христианское откровение о человеке. С рыцарским идеалом Бердяев связывает формирование нового религиозного сознания, видит в нем альтернативу «мировому мечтанству» и тотальной самодовлеющей государственности. Он полагает, что в русском человеке, вобравшем в себя рыцарские добродетели, снимается, в гегелевском смысле, индивидуализм Запада и осуществляется синтез двух векторов исторического развития, Востока и Запада.

Вступление России в Первую мировую войну вновь актуализирует тематику ее «великой миссии». Русский мыслитель воспринимает разразившуюся войну как эпоху испытаний, когда народы должны осознать себя и свое положение в мире. Война для него – феномен, прежде всего, духовного порядка, и оценивать его надлежит как факт противоречивой и раздвоенной духовной реальности. Бердяев надеется, что начавшаяся война приведет к духовному пробуждению России, придаст мужества и благородства русскому народу, наделит русского человека чертами рыцаря [21].

Как чудесное событие исключительной важности не только в объективном, но и субъективном плане оценивает Бердяев падение самодержавия

вия в России. Он убежден, что Февральская революция 1917 года стимулирует общенациональное движение к демократии, что, в свою очередь, освободит духовные силы народа от порабоцевавших его на протяжении столетий иллюзий священного русского царства. Вторую русскую революцию Бердяев рассматривает как необходимое внешнее условие перехода из царства принуждения в царство свободы. Внутренним условием восхождения к высшим уровням бытия выступает формирование национальной аристократии духа [17].

Первые симптомы деградации революционной России

Но уже в середине лета 1917 года Бердяев констатирует, что Россия приносится в жертву революционной стихии. Динамика русской революции, победа большевиков в борьбе за власть подтверждает его самые худшие опасения. *«Пафоса свободы человека нет в стихии русской революции. Есть большие основания думать, что русские не любят свободы и не дорожат свободой, — пишет он в октябре 1917 года. — И нравственный источник отрицания прав, гарантирующих свободу, нужно искать в слабости сознания обязанности и в неразвитости личного достоинства»* [14, с. 624]. Права человека есть следствие осознания им своих обязанностей. Без этого о «правах нельзя серьезно говорить, все права будут раздавлены» [там же].

В русской революции философ обличает демоническую одержимость, пафос тотального отрицания иерархического принципа устройства мироздания: *«Требование равенства будет в ней ... распространено не только на низшие ступени человеческого мира, но и на низшие ступени мира природного, на животные, растения и минералы, на атомы материи. Весь космос распадется на атомы, и каждый атом потребует себе равного положения со всеми другими, каждый признает себя суверенным»* [5, с. 630–631]. Русский нигилизм, составляющий фундамент революции, принимает форму варварского индивидуализма. Культ своеволия предполагает отрицание Бога, истины, красоты, отечества, отрицание духовных реальностей и иерархического строения космоса. Возобладавшая в России «новая религия всеобщего уравнивания и смешения, всеобщего стирания всех иерархических различий и иерархических качеств» [5, с. 634], потакающая темным инстинктам народных масс, ведет нацию к самоубийству, распаду государства и культуры, деградации личности. *«Разрушение всякого иерархизма в государстве, в обществе, в культуре, в жизни религиозной есть возвращение к первоначальному хаотическому состоянию, оно разрушает человека, который есть высший иерархический чин во вселенной, и отдает человека во власть низших хаотических стихий, которые претендуют на равенство с человеком. Да и сам человек есть иерархический организм, в котором все части должны быть соподчинены высшему центру. При на-*

рушении же этого иерархического соподчинения человек разваливается, в нем гибнет образ и подобие Божье» [5, с. 634].

Бердяев настаивает, что альтернативой ложной нигилистической морали могут служить лишь ценности, утверждаемые христианством: ответственность человека за собственную судьбу, качественный отбор сильных духом индивидов. Западное христианство связало эти ценности с развитием личности. В отличие от русского народа, в характере которого водораздел между добром и злом аморфен и зыбок, у более мужественных народов Запада, получивших католическое и протестантское воспитание, контраст между Богом и дьяволом, добром и злом обозначен отчетливо: «Запад забронирован ... всей своей религией, своей культурой, всей своей активной, мужественной историей, своим рыцарским прошлым, своим свободным подчинением закону и норме» [15, с. 597]. Бессознательной стихии русской революции следует противопоставить просвещение народных масс, воспитание национального сознания. Русский мыслитель подчеркивает, что учение Платона о государстве, согласно которому идеальной формой правления является аристократия, «господство лучших, благороднейших, даровитейших, духовно сильнейших» [5, с. 634], сохраняет актуальность, остается «окончательной и высшей истиной», образцом «истинного иерархизма» – непреходящей основой государственной и общественной жизни народов. Этот образец реализуется в христианской церкви, где «личное начало, которому придается абсолютное значение, соединяется с иерархической соборностью, с мистической иерархией, но нет уравнительного смешения, нет принуждения личности к равенству со всякой другой личностью», пронизывает культуру, проникает во всякую государственность [5, с. 634].

Согласно Бердяеву, победа большевиков, сторонников диктатуры пролетариата, угрожает существованию русского государства и культуры, подрывает объективные основания социальной жизни. Концепция государства как орудия реализации интересов определенного класса, как способа организации классового господства не соответствует действительности. Бытие государства не может быть редуцировано к субъективному интересу, оно не зависит от конкретной формы правления; основы бытия государства космические, и более того, божественные.

Равным образом возвышаются над субъективными интересами и человеческим произволом ценности культуры. В разговорах о «буржуазной» и «пролетарской» культуре русский мыслитель видит отказ от ценностей культуры, потворство звериному началу в человеке. Соответственно, общественная жизнь, где окончательно теряется связь с мировым целым, будет «звериной общественностью». «Победой большевизма в России, – убежден Бердяев, – и создастся звериная жизнь» [12, с. 640]. Источником

зла и страданий людей являются не «классы злодеев-эксплуататоров» и деспотические правители, а зараженность человеческой воли грехом, «круговая порука мирового зла и греха». Реакцией объективного добра на зло и хаос служит закон, действующий в природе и обществе. События, которые разворачиваются в октябре 1917 года: «окончательное восстание класса на класс, интереса на интерес, окончательная революционная атомизация общества» – русский философ интерпретирует как «частичное возвращение к первоначальному греховному хаосу, выходящему из подчинения закону и не желающему прийти через искупление к новой жизни», как великий соблазн для христианского народа и испытание его духа [12, с. 641]. Единственной альтернативой свершающему социальному распаду выступает закон, осознанное подчинение хаоса объективной норме – путь, ведущий к свободе и благодатной жизни.

Бесовский маскарад и демагогия большевиков

Апелляция большевиков к воле русского народа опровергается Бердяевым в статье «Об истинной и ложной народной воле», опубликованной 30 октября 1917 года. Он пишет о том, что принципы народовластия чужды партии, пришедшей к власти. Большевики стремятся к классовой диктатуре, их действия ведут к насильственному господству меньшинства, пролетариата столиц над большинством русского народа. Они отвергают формализм в понимании народной воли, и во главу угла ставят ее содержание и направление. Но русский народ самостоятельно, из духовной глубины своей этого содержание и направления еще не определил. «Свободен и защищен лишь тот, кто имеет духовный центр, в ком не распатано и не ослаблено нравственное ядро. Но у крестьян и рабочих сейчас духовный центр уже утерян, нравственное ядро ослаблено, они находятся в величайшем духовном рабстве и беспомощности. Когда я бывал на уличных митингах, мучительное впечатление производили на меня лица говоривших. Казалось, что лопнут мозги темных людей от бессилия разрешить поставленные перед народом задачи. Это – жестокость истории по отношению к народу, который держался в принудительной тьме. И вот народ этот, когда особенно сгустилась тьма в нем и вокруг него и когда он душевно болен, призывается решать судьбы русского государства, определять жизнь грядущих поколений» [11, с. 645].

Риторика большевиков носит демагогический характер, они фальсифицируют волю русского народа, опираясь на темные инстинкты его души. Как и в более ранних своих статьях, Бердяев выступает против обоготворения народной воли и любой другой эмпирической разновидности человеческой воли. Всякая эмпирическое волеизъявление должно быть ограничено высшими принципами: абсолютной правдой, вер-

ховными ценностями, Божьей волей. «Если народная воля своим количественным большинством будет истреблять свободу и топтать духовные ценности, то нет никаких оснований склониться перед ней. <...> Выше воли народной стоит воля Божья, и лишь в воле Божьей нужно искать гарантии того, что права человека и свобода человека не будут раздавлены и растерзаны. Этой гарантии нет в человеческом произволе» [11, с. 643–644]. Бердяев соглашается с большевиками в том, что формальный подход к народной воле неприемлем, но считает недопустимым решать вопрос о направленности воли народа вне его религиозно-мировоззренческого контекста. Свобода народной воли «предполагает победу в этой воле добра над злом, Бога над дьяволом. Дьявол – лжец, он фальсифицирует народную волю, совершает подмену, дает призрачную безграничную свободу, свободу формальную, по существу же поработачает волю людскую» [11, с. 646]. Поклоняться должно не эмпирическому человеку и не механической сумме людей, а человеческому стремлению вывысь в иерархии мирового целого, великому и ценному в человеке, «его святости и гениальности, его высоте».

Судьба русского народа не может быть решена, когда он находится в состоянии душевной невменяемости. Подлинная народная воля неразрывно связана с историей народа, его «существованием в великом прошлом и великом будущем», ведь народ – это не «механическая масса нынешнего дня истории, он есть соборная личность, живущая тысячелетия» [11, с. 647]. Попыткам узурпации народной воли, «подмены великого целого ничтожной частью», отмечает Бердяев, необходимо противопоставить кропотливую работу, целью которой является выявление соборной воли русского народа, демонстрирующей историческую преемственность народной жизни, вдохновленной высокими ценностями, склоняющейся перед христианскими святынями.

Чувство глубокого разочарования русского мыслителя в событиях 1917 года легло в основу его статьи «Была ли в России революция?», опубликованной 19 ноября. На поставленный вопрос автор дает четкий ответ: «В России никакой революции не было» [1, с. 649–650]. Бердяев стремится сорвать с этой «революции» маски, развеять иллюзии, утвердить подлинную перспективу имевших место событий. «Русская революция есть чистейший призрак. В ней нет существенных признаков революции в западно-европейском смысле этого слова. Старая власть, старая монархия не была у нас свергнута революцией, она сгнила, разложилась и бесславно пала, как падает гнилое яблоко с дерева. Но яд от гниения старой России остался внутри народного организма и продолжает разлагать жизнь русского народа. Вот эти процессы гниения старой России и принимают у нас за “развитие и углубление революции”. <...> В России пала власть и не заменилась

никакой новой властью. Наступило безвластие, междоусобица, анархия, бесплодная и не творческая, смутная эпоха» [1, с. 649–650]. На смену силам разложения так и не пришли силы созидания, творческие силы: «Русский народ продолжает разлагаться от бессилия, от тиранической анархии, от невежества и тьмы, от неорганизованности и недисциплинированности, от отсутствия руководящих созидательных сил» [1, с. 652].

Массовые кровопролития и страдания невинных жертв создают иллюзию общественных изменений, настоящее революционное движение в России отсутствует, ничего принципиально нового не происходит. «И то, что именуется у нас революцией, есть сила инерции, есть мертвая бездвижность перед судом высшей духовной жизни. В коловращении хаоса и анархии никогда ведь не бывает настоящего движения и творческой новизны. Хаотическая перестановка и круговращение мертвой материи никуда не движется и никакой новой жизни не творит. В душах людей и в душе народа, в источниках творческой энергии ничто не изменилось, ничего нового не народилось. Действуют все те же старые инстинкты, все те же ветхие чувства. Новый человек не рождается» [1, с. 649]. Психология русского человека осталась прежней, «ткань общественная расплывается и раздирается, как гнилая материя», души русских людей «все те же рабы души» [1, с. 649].

Захват власти большевиками является, согласно Бердяеву, продолжением бесовского маскарада, одной из личин «революции», под которыми все время слышится звериное хрюканье. В торжестве «большевизма» мыслитель не видит чего-либо нового и утверждает, что он господствовал в русской «революции» изначально. «*“Большевистская революция” есть один из моментов разложения и гниения старой России, одна из трансформаций старой русской тьмы.* Во всем этом нет ничего похожего на революцию, на демократию, на социализм, на сколько-нибудь глубокое изменение в обществе и народе. Все это – жуткий и злоеущий маскарад. Начала самовластия и деспотизма продолжают свое торжество и чинят оргию» [1, с. 652]. Говорить о большевиках серьезно, считать их приход к власти страшной катастрофой, опровергать их взгляды и спорить о путях развития русской «революции» Бердяев считает смешным и нелепым, «маскарадное переодевание никого не должно вводить в заблуждение» [1, с. 649]. Эта «революция» есть «чистейшие призраки и галлюцинации», где нет «ничего существенного и подлинно реального». «*Вся русская “революция” есть тяжелый кошмар, приснившийся русскому народу от его бессилия и болезни, есть призрак, созданный расстроенным воображением народа слабого и потерявшего духовный центр.* Кошмары и призраки дома умалишенных выпущены на свободу и гуляют по земле русской» [1, с. 649]. Они отравляют и мучают русских людей, делают невыносимой их жизнь.

Бурные «революционные» процессы, указывает Бердяев, носят поверхностный характер, продолжается «тление ветхих одежд России невозрожденной», общество по-прежнему страдает от наследственных болезней. Русская «революция» ведет лишь к хаотическому крупению, смерти государства, нации, культуры. «Чудовищный нигилизм, торжествующий в этих процессах разложения, есть явление старой России, а не творчество новой России» [1, с. 650]. Смысл происходящего, «постыдный и горестный», мыслитель видит в том, что «русский народ не выдержал великого испытания войны, в страшный час мировой борьбы он ослабел и начал разлагаться. Он духовно не был готов к мировой борьбе, он утерял всякую идею этой войны» [1, с. 653].

Катастрофа, происходящая с Россией, имеет всемирно-историческое значение. Ведь Россия – «неотрывная часть мирового организма, связанная тысячами нитей с жизнью других народов», ее разложение и гибель «не могут быть безразличны для остального мира, для всех великих держав и для всех культурных народов» [3, с. 661]. Победа большевиков означает невозможность реализации великой миссии России, отступление славянского мира перед миром германским. Россию «одолеет германский яд» [1, с. 653]. Русский интернационализм, который «не в мировую ширь вывел Россию, а оттеснил ее в Азию», Бердяев рассматривает в качестве обратной стороны германского национализма, одного из способов германизации России. Соответственно, приход к власти большевиков – адептов идеологии интернационализма – «лишь момент в процессе победоносной германизации России, окончательный крах русской воли и затмение русского сознания» [3, с. 664]. Но ответственность за крушение всемирно-исторической миссии России Бердяев возлагает на русский народ, который «принял германский яд совершенно бессознательно и пассивно, в глубокой темноте, не ведая, что творит», «в темной глубине своей свободной воли загубил себя и свое дело в мире, ... поддался дьявольским соблазнам, ... позволил злым силам изнасиловать себя, поддался обманному обещанию, льстящим корыстным инстинктам сегодняшнего дня. И Россия выходит из войны обесчещенной, ослабленной, несчастной и зависимой. <...> Россия распалась на атомы, и каждый атом прознал себя богом» [3, с. 664, 665].

В России стремительно разворачивается процесс деградации человеческого духа, который слабеет и погружается во тьму. Уважение к человеческой личности, констатирует Бердяев, полностью исчезает, особенно когда речь идет о людях, чьи жизни и интересы связаны с отвергаемыми революционным сознанием классами, а «духовное человекоубийство ... легко переходит в человекоубийство физическое» [1, с. 652]. В ненависти к «буржуазии» автор концепции «русской души» видит проявление *«исконной ненависти темного Востока к культуре»*; в противопоставлении мира «буржу-

азного» и мира «социалистического» – «окончательную измену христианству и окончательное отрицание человечества как единого рода Божьего» [1, с. 652].

«Яростное и злобное» столкновение миров русский метафизик интерпретирует как отражение борьбы, разворачивающейся на вершинах духовной жизни, борьбы между Богом и дьяволом. Классовая борьба происходит в срединном пространстве бытия, ибо есть еще и «низы русской жизни», где царствует «первозданная тьма, ... все элементарно, все еще в первобытном прошлом» [1, с. 654]. Борьба классов носит сугубо материальный характер, но в неё сложным образом вплетены реалии борьбы духовной. Эти реалии, эти «высшие и чистые духовные начала», настаивает Бердяев, необходимо выделить и «противопоставить торжествующей тьме и торжествующему хамству», следует вести борьбу в «срединном царстве» как духовную борьбу «за творчество культуры в объявшей нас тьме» [1, с. 654].

Несмотря на пессимизм в отношении результатов русской «революции», Бердяев еще не готов отказаться от веры в светлые перспективы России. В очередной раз он подчеркивает, что эти перспективы связаны с внутренним принятием Запада. Мораль русской «революции», – пишет Бердяев, – «довольно проста и элементарна, хотя и горька для нас. <...> Необходимо покаяться и смириться, жертвенно признать элементарную правду западничества, правду культуры, суровую правду закона и нормы. Народ русский утерял веру, изменил вечной святыне, а цивилизации не имеет, культуре чужд. И нам необходим долгий труд цивилизации, в которой есть своя секуляризованная религиозная правда» [1, с. 653-654].

Глубинные причины поражения «русской идеи» Н.А. Бердяева

К теме противостояния «буржуазного» и «социалистического» миров в контексте «великой миссии» России Бердяев возвращается в статье, опубликованной в конце 1917 года. Симптоматично, что русский народ называется здесь «русским человечеством», которое «распалось на две враждебные расы». Идея единства рода человеческого как рода Божьего в России вытеснена представлением о сущностном антагонизме «буржуазного» и «социалистического» человека, объявленных «друг для друга волками». «Идея класса убила в России идею человека, – подводит итог «революционно-социалистическому эксперименту» 1917 г. Бердяев. – Русские люди перестали подходить друг к другу как человек к человеку» [10, с. 667]. Мир «социалистический» явил себя миром злобы и ненависти, отвергающим *«все лучшее, что было в мире «буржуазном», все непреходящие святыни и ценности прошлого»*, но преумножающим *«все худшее, что было в мире “буржуазном”, все грехи,*

болезни и низости прошлого, всю тьму отцов и дедов». «В чувстве злобной мстительности этот мир сохраняет преемственность с прошлым, в чувстве злобной зависти он прикован к прошлому, как раб. Он остался верен самым корыстным традициям прошлого» [10, с. 669].

«Социалистический» мир, возникший благодаря усилиям большевиков в России, производит на русского мыслителя «впечатление отбросов мира “буржуазного”, болезненных и смрадных испарений прошлого, истечения какой-то старой тьмы. Из русского народа выходит нечистый дух» [10, с. 669]. В этом мире Бердяев не обнаруживает признаков творчества. Впечатление, что в России разрушается старый мир, он считает обманчивым. Наоборот, в России возобладали негативные силы старого мира, силы отрицания и вырождения, силы хаоса и распада. «Души людей, делающих “социалистическую” революцию, – с отвращением пишет о них Бердяев, – стары до ужаса, инстинкты их ветхи, их чувства и мысли инертны, во всем их обличье узнается старая звериная природа человека, действовавшая и в мире “буржуазном” и там совершавшая самые злые деяния этого мира. Но с этой звериной природы окончательно сняты все оковы, она вышла из-под сдерживающего закона цивилизации, закона государства». [10, с. 669].

Русский философ, конечно же, далек от идеализации старой «буржуазной», духовно немощной России, которая была несовместима со свободой. Но старый «буржуазный» мир принципиально не отвергал свободу, как делает это новый «социалистический» мир, который «ненавидит свободу и истребляет ее без остатка», мир, чуждый идеям свободы и «священных прав» человека, мир, отвергающий «всякое достоинство человека, всякую честь и благородство как предрассудки» [10, с. 670]. Материализм «социалистического» мира с его неприятием высших духовных реальностей, согласно Бердяеву, всецело заимствован из утратившего религиозные основы жизни «буржуазного» мира, усилен и доведен до предела.

«Социалистический» мир возводит основания своего бытия к утилитаризму старого мира, но «атеизм свой возводит в религию и гордится им». Если «буржуазный» мир «сомневался в величии и благостности своего неверия», и в силу этого был раздвоен, периодически осуждал свое безбожие, то новый мир «в этом отношении более целен, он самодовольно переживает свое безбожие, он гордится своим неверием». Если «буржуазный» мир использовал человеческую личность как средство реализации материальных интересов, то мир «социалистический» вовсе «не видит личности человеческой, он не знает души человеческой, он ничего не знает, кроме материальной социальной среды». В большевистской России Бердяев видит мир, лишенный глубины, мир, растворяющий всякое качество в количестве. Этот мир «рабски заимствует, выкрадывает и ... развивает» все пороки, «все дурное, злое, бездушное», что было характерно для «буржуазного»

мира. «На веки веков» «социалистический» мир закрепил и повсеместно распространил самодовольную, не сознающую греха «буржуазность»; «он не грехи отверг, а сознание греха и покаяние». Таким образом, «мир большевиков стал по ту сторону добра и зла, он впал не в безнравственность, а в нравственный идиотизм», он «стал по ту сторону закона цивилизации, не выше “закона”, где уже царство благодати, а ниже его, где царство звериное». [10, с. 671].

Будучи свидетелем стремительной деградации «новой» России, Бердяев кардинально пересматривает свое негативное отношение к прежней российской государственности, той «Великой России», тому «великому русскому государству», что было создано старым «буржуазным» миром, вмещавшим в себя патриотизм, национальную честь, долг перед отечеством. Эти идеи были отвергнуты «социалистическим» миром, который «отменил государство, расчленил Россию, превратил нашу родину в кучу мусора и надругался над патриотическим чувством, над национальной честью и достоинством в формах, еще не виданных в истории». Но еще более важно для русского религиозного философа, что наряду с «предрассудком» патриотизма «социалистический» мир «отверг “предрассудок” о личности, о ее ответственности, о ее достоинстве, о ее первородной свободе», христианский «предрассудок», раскрытый нам Богом, равно как он отверг «старый “предрассудок” о Боге», и тем самым совершил «предательство вечности» [10, с. 672].

«Мир “социалистический”, – указывает Бердяев, – отверг все качественные возвышения и различия, все духовные преимущества и личность человеческую отдает на растерзание количественной массе, уташает всякий индивидуальный свет в безличной темной массе. <...> Он отверг все вечное в старом “буржуазном” мире, все непреходящие ценности и принял все тленное от него, все его корысти, все его греховное рабство» [10, с. 672]. Принципиальная анти-иерархичность «социалистического» мира, согласно Бердяеву, ведет к предельному падению человека, к превращению жизни земной в ад, ведь *«реальность человека предполагает реальность всех степеней бытия, реальность того, что выше его», «личность... немислима вне иерархии»* [9, с. 675]. В русской революции, отмечает Бердяев в статье «Личное благо и сверхлические ценности» (декабрь 1917 года), «личное, частное, корыстно-групповое торжествует над сверхлическим, общим, над целым, над ценностями, выходящими за пределы замкнутой, эмпирической человеческой жизни»; в классовом сознании он видит «несомненное отрицание сверхлических ценностей», атомизацию и распад «объективной реальности, возвышающейся над человеческим психологизмом», «торжество психологизма над онтологизмом, торжество субъективно-произвольных состояний людей и человеческих групп над объективными началами, над сверхчело-

веческой Правдой и Истиной» [9, с. 673]. Но надежда на изменение столь плачевного положения дел не покидает русского мыслителя: если мы будем думать «не о земном рае и не о блаженстве, а об исполнении сурового долга, об осуществлении Божьей правды», то наступит «облегчение», и «вся демоническая природа человека» останется в этом призрачном социалистическом земном рае [10, с. 672].

В статьях, опубликованных зимой-весной 1918 года, Бердяев стремится раскрыть предпосылки успеха «революционно-социалистического эксперимента», материалом которого послужил русский народ, и показать возможность выхода из общенационального кризиса, оздоровления России. Вновь и вновь философ указывает, что торжество социалистической идеологии, победа «большевистского коллективизма» обусловлены тем, что в России «человеческое начало, человеческая личность, человеческий образ» не были четко проявлены, не получили должного развития. Революционное классовое сознание усиливает и доводит до предела антигуманистический пафос русской общественной жизни: «Самомнение и наглость класса не есть достоинство человека, в них погибает человек. В массе рабочих и крестьян не только не пробуждается человек, но окончательно забивается и тонет в стихии темных инстинктов» [8, с. 731]. Подчинение общественного развития идее класса, по Бердяеву, является демонической попыткой истребления подлинных реальностей – человека, нации, государства. Рабочий класс, провозглашенный большевиками руководящим, «разлагает все ценности и все реальности», «коверкает души людей и искажает все жизненные оценки», «не оставляет живого места, все сносит и калечит» [8, с. 731].

Демоническая идея класса несовместима со свободой. Она не только истребляет остатки братского единства русских людей как христианского народа, но придает разрушительный, самоубийственный характер социализму в целом. «Если возможен и допустим социализм, – отмечает русский мыслитель, – то в основу его должен быть положен человек, а не класс» [8, с. 731]. Абстрактный класс противостоит конкретному человеку, и «этой бескровной отвлеченности, как идолу, приносят человеческие жертвы» [8, с. 730]. Во имя человека и свободы, дабы «в темных русских людях, одержимых лживой идеей, обманутых и изнасилованных, ... пробудить человека, человеческий образ и человеческое достоинство», Бердяев проповедует необходимость крестового похода против классового абсолютизма [8, с. 731].

Важнейшим симптомом деградации человеческого духа в России являлось народничество, различные формы которого Бердяев оценивает как иллюзии, порожденные культурной отсталостью, малодушием и бессилием отечественной интеллигенции. Русские мыслящие люди пред-

почли личной ответственности и самостоятельному этическому выбору рабскую зависимость от «народной тьмы». Их стремление видеть источник истины и правды вне себя, «в народной стихии, народной массе, в народной вере или народном труде», есть проявление потерянности всех качественных аспектов русской жизни. «Русская вера в “народ”, – утверждает Бердяев в статье «Гибель русских иллюзий» (январь-февраль 1918 года), – была идолопоклонством, поклонением человека и человечеству, сотворением себе кумира из внешней массы. Вера в народ как простонародье, как крестьян и рабочих была верой в эмпирическое количество. Объект этой веры не обуславливался его качествами, его внутренней ценностью, сколько-нибудь постижимой и близкой для веровавшего» [4, с. 747].

Народники на протяжении десятилетий были проводниками социалистической идеологии, ориентированной на абстрактный народ и отрицающей ценность всего конкретного – человека, культуры, нации, Бога. «Интеллигент, уверовавший в народ, не знал души народной, он не постигал ее в себе самом, в родной ему глубине, он поклонялся народу как неведомому и чуждому, манящему своей далекостью» [4, с. 747]. Бердяев подчеркивает, что в сознании русского интеллигента народ подменил Бога, идея служения благополучию и счастью народа вытеснила идею служения правде и истине; народники «во имя народа как идола готовы были пожертвовать величайшими ценностями и святынями, истребить всякую культуру, как основанную на неравенстве, всякое бытие, как наследие отцов и дедов». Русский мыслитель обличает народников как фальсификаторов идеи нации, подготовивших почву для победы «большевистского коллективизма»: «Идея народа, определяемого по социально-классовым признакам, есть фальсификация идеи нации, не определенной ни по каким социально-классовым признакам, объемлющей все классы, все группы и все поколения, прошедшие и будущие» [4, с. 747].

И как проявил себя этот «народ» в «новой» России? Он «обнаружил первобытную дикость, тьму, хулиганство, жадность, инстинкты погромщиков, психологию взбунтовавшихся рабов, показал звериную морду. Собственные слова “народа” нечленораздельны, истинные слова еще не родились в народе. <...> Необъятное и темное мужицкое царство поглощает и пожирает все блага и ценности, в нем тонет всякий лик человеческий» [4, с. 748]. Ответственность за «всю эту тьму народную», согласно Бердяеву, лежит, прежде всего, на властях предреволюционной и интеллигенции «старой» России: «Одни не хотели просвещать народ, держали его в принудительной тьме и рабстве; другие идолопоклонствовали перед народом и несли ему новую тьму вместо света, тьму полупросвещения и интеллигентского нигилизма» [4, с. 748].

Свою лепту в поддержание дикости и невежества народных масс внесло и русское православие. «Наше народное религиозное воспитание, – пишет Бердяев в статье «Духовные основы русского народа», – не было благоприятно культуре. Наше духовенство не давало народу необходимого просвещения. В народе религиозно воспитывался дух смирения по отношению к власти, но совершенно не воспитывался дух активности и самодисциплины» [7, с. 756].

Сопоставляя различные христианские конфессии, русский мыслитель подчеркивает роль католицизма в процессе воспитания личности и, тем самым, приобщения народа к культуре и исторической жизни: «На Западе католицизм ... создал великую культуру, латинскую культуру Запада, и поддерживало не только священное предание Церкви, но и священное предание культуры, оно воспитывало личность для жизни в истории и для работы в цивилизации. Результаты этого воспитания в секуляризованном виде остались и в народе, потерявшем католическую веру» [7, с. 756]. Бердяев с сожалением констатирует, что «в нашей Церкви слишком слабо была выражена человеческая активность» [7, с. 759], что «русское православие не давало того закала личному и народному характеру для жизни исторической и для созидания культуры, который на Западе давало католичество, а по-своему и протестантство» [7, с. 756].

Эти положения он развивает в статье «Оздоровление России», опубликованной в мае 1918 года. «Тлетворному духу» экономического материализма Бердяев противопоставляет «дух животворящий», несущий в себе ту истину, что «в основах материальной жизни народов лежат духовные начала их жизни», позволяющий выявить зависимость экономической жизни народа «от дисциплины личности, от духовного склада народа, от его религиозного типа» [13, с. 769]. Католицизм и протестантизм по-разному формировали духовный склад западноевропейских народов, но они воспитывали народы «для исторической жизни, вырабатывали закал характера, необходимый для созидания культуры» [13, с. 769]. И снова Бердяев не упускает возможность подчеркнуть всемирно-историческую роль католицизма: «Католицизм проникнуто духом универсализма. Но оно же развивает и дисциплинирует личность. В католицизме всегда была динамическая энергия, которая играла руководящую роль во всемирной истории» [13, с. 769–770].

Совершенно другое влияние на характер народной жизни оказало православие: «Православное религиозное воспитание неблагоприятно для исторической жизни народов; оно мало научает общественному и культурному строительству, мало дисциплинирует личность. <...> Православное воспитание не оставило в душе русского человека твердого осадка в форме культурных добродетелей, норм цивилизации, как оставило ре-

лигиозное воспитание на Западе». Колеблющееся между «максимализмом святости» и «минимализмом довольно низменной бытовой жизни» русское православие, с одной стороны, «создало ослепительные образы святости и воспитало в народе культ святости и святых», но, с другой стороны, «очень мало сделало для развития в русском человеке честности и ответственности, для религиозного укрепления в нем энергии, необходимой для творчества истории и культуры» [13, с. 770]. Бердяев не устает повторять, что в русской религиозности «всегда преобладали черты восточной пассивности», «всегда было слабо выражено начало личности»; в России «личность расплывалась и тонула в природном коллективизме, который принимали за духовную соборность». В силу того, что русский человек не прошел «школы личной дисциплины и личной ответственности», он «легко переходит из религиозного состояния в состояние совершенно нигилистическое», «перескакивает от первоначального коллективизма к коллективизму социалистическому» [13, с. 770].

Таким образом, православие не благоприятствовало личному творчеству и историческому действию русского человека¹. «В России, – отмечал Бердяев, – никогда не было ничего от духа Возрождения, у русских не было творческой избыточности. Самые творческие русские люди творили не от избытка, не по свободному порыву, а от страдания и муки, с надрывом, с болезненной рефлексией, с недоверием к своему праву творить» [7, с. 752]. Не сформировалась в России и духовная аристократия, осознающая свое призвание вести за собой народные массы, руководить народной жизнью. Альтернативой восходящему движению творческого духа стало «рефлектирующе-болезненное» отношение русской интеллигенции к культуре, которая «считалась зачатой в неправде и насилии» [7, с. 754]. «Культурный слой наш никогда не сознавал своего достоинства и своего истинного призвания, он почти стыдился своей культурности, не видел в ней истинного света, критериев истины и правды, он всегда искал этих критериев вовне, в темном, не зараженном грехом культуры “народе”» [7, с. 753].

Если европеец поклоняется творческим ценностям культуры, то русский интеллигент поклоняется народу, вдохновлен служением ему. Бердяев указывает, что за «традиционным русским народопоклонством» стоит противопоставление народа культуре, как правды неправде; русскому интеллигенту нет дела до культуры народа, до повышения качественного уровня народа. И это «русское ... возвышение над культурой слишком часто бывает лишь варварством и нигилизмом» [7, с. 755]. Контраст русского

¹ Бердяев, конечно же, подчеркивает, что его критика православного религиозного воспитания не означает осуждения Православной Церкви, которую «не одолеют и врата ада», что он имеет в виду лишь «русский тип религиозности с его человеческой стороной», что «только Церковь учила русский народ правде, и без Церкви не может он быть спасен от духовной смерти» [13, с. 771].

человека и европейца здесь явлен предельно четко. У европейца «каждая клетка проникнута священным преданием культуры», и для него стремление «преодолеть культуру, освободиться от ее тяжести и перейти к высшей жизни» – трагедия [7, с. 755]. Бердяев подчеркивает, что католичество, в отличие от православия, несовместимо с враждебным культуре народопоклонством: «На католической почве никогда не рождалось идолопоклонство перед народом и естественной народной мудростью. Мудрость видели во Вселенской Церкви, в Церковном Разуме, а не в народной стихии. У нас же почти не было священного предания культуры, созданного и освященного нашей Церковью» [7, с. 756].

Культуру русский философ рассматривает как «серединное царство», приобщение к которому является необходимым условием преодоления народом царства тьмы, осознания своей исторической миссии и восхождения человечества в царство Божие. Эмпирический народ, убежден Бердяев, «не заслуживает никакого почитания и поклонения», «не может быть святыней» [7, с. 756]; «религия “народа” есть поистине религия небытия, религия темной, всепоглощающей и всепожирающей бездны» [4, с. 747]. Русский народ «нуждается в святыне, которую он поставил бы выше себя, в свете, который просветил бы его естественную тьму, связанную с первоначальным грехом человеческим и с падением человека в состояние звероподобное» [7, с. 756–757]. И этот свет проникает в человека благодаря культуре, ценности которой «несут на себе отблеск божественного света и ... заслуживают почитания и бережного к себе отношения» [7, с. 757]. Только через культуру, просвещение и просветление можно привести в активное состояние те «возможности высшей жизни», что дремлют в глубинах души русского народа. «Это, – настаивает Бердяев, – мировой путь развития, и лишь через него может быть выявлена национальная сущность и национальное призвание. Дионисические оргии темного мужицкого царства грозят превратить Россию со всеми ее ценностями и благами в небытие. Разбушевавшаяся темная стихия должна быть введена в нормы, подчинена закону. Без этого нельзя мечтать ни о каком высшем призвании России, так как не будет и самой России» [4, с. 749].

Бердяев надеется на религиозное оздоровление русской интеллигенции и русского народа, продолжает говорить об особой всемирно-исторической миссии России, подчеркивает, что «выполнение этой миссии лежит через культуру, через долг послушания бремени цивилизации» [4, с. 750]. Важнейшая задача, стоящая перед русской интеллигенцией – качественное повышение культурного уровня народных масс, преодоление власти тьмы: «Лишь в меру преодоления этой тьмы народ призывается к активной исторической жизни, к определению судеб государств» [7, с. 757]. Но культура, равно как и народ, согласно Бердяеву, не должны обоготворяться, ре-

лигиозного отношения к себе заслуживает лишь человек как образ и подобие Божие. Религиозное оздоровление России связано с утверждением в русской культуре личностного начала, «духовной дисциплины личности». «Мы, — отмечает Бердяев, — *приняли свою отсталость за свое преимущество, за знак нашего высшего призвания и нашего величия. Но тот страшный факт, что личность человеческая тонет у нас в первобытном коллективизме, не есть ни наше преимущество, ни знак нашего величия*» [4, с. 750].

Возрождение России, преодоление нигилизма и деградации духовных оснований русской жизни предполагает, что русский народ, подобно другим народам, осознавшим свою историческую миссию, пройдет школу религиозной и культурной дисциплины личности. Следствием чего, убежден Бердяев, станет формирование принципиально нового, творческого и ответственного отношения к жизни. Начиная с работ, написанных Бердяевым в контексте осмысления трагических уроков Первой русской революции, идея личной ответственности рассматривается им в тесной взаимосвязи с представлением о достоинстве личности, чувство личной ответственности трактуется как подлинно христианское чувство. Вновь и вновь Бердяев повторяет, что Россия погибает «от безответственности русского человека, который все возлагает то на социальную среду, то на судьбу, то на всеильное самодержавное правительство, то на всеильный пролетариат», «от безответственных притязаний всех и каждого и от слабого чувства обязанности», «от экстенсивности русской души и русской культуры, от слабой интенсивности труда» [13, с. 772, 773]. Соответственно, спасение России требует качественного изменения русского человека, прививки ему «дозы здорового нравственного индивидуализма», повышения «до высочайшего напряжения» личной инициативы и ответственности, ответственности каждого лица: «Каждый должен принять на себя как можно большую ответственность и уменьшить притязательность» [13, с. 772]. Россия будет выздоравливать, «когда в русских людях сознание обязанности победит притязательность», когда у них укрепится «почти атрофированное» чувство долга [13, с. 773]. «Духовная дисциплина личности должна повести за собой и дисциплину труда», повышение его интенсивности, как и возрастание интенсивности русской души и русской культуры в целом; только благодаря суровым, мужественным добродетелям творится история [13, с. 773].

Заключение

«Россия погибает от преклонения перед количествами и от отрицания самостоятельного значения качеств и качественного подбора» [13, с. 773], — такова предельно общая оценка Бердяевым событий, связанных с победой большевиков. Всемирно-историческая миссия России окажется несостоятельной, если темная стихия русской жизни не будет освящена лучами

культуры, отблесками божественного света. «Просветление тьмы, — отмечает мыслитель, — предполагает иерархические ступени»: культурные задачи должны доминировать над политическим, принцип эволюции нравственно стоять выше революционного принципа, русское общество должно повернуться от идеализации народной стихии к преклонению перед творческими ценностями культуры [7, с. 757]. Конечно же, «высшая творческая духовная жизнь есть достояние немногих, она не поддается демократизации», но многие представители русского народа «могут и должны быть подняты до среднего культурного уровня, могут и должны быть качественно повышены настолько, чтобы преодолеть власть тьмы» [7, с. 757].

Актуализация творческого потенциала русской души, приобщение русского народа к активной исторической жизни невозможно без утверждения в русской культуре личностного начала, без усиления роли качественно возвышающихся личностей. Но сколь далеки от этого реалии «новой» России! Показательно, что в статьях Н.А. Бердяева, написанных в связи с победой большевиков и коммунистической идеологии в России (в период с октября 1917 года по май 1918 года), характерное для мыслителя непосредственное обращение к рыцарскому идеалу отсутствует. Лишь в статье «Россия и Великороссия» (апрель 1918 года), говоря о русской идее и уникальной судьбе русского народа, в подтверждение тезиса, что «великий народ может достойно существовать, если он ... верен вечным духовным основам своего существования», Бердяев воспроизводит высказанное ранее свое восхищение героизмом и доблестью французов, проявленных ими на полях сражений Первой мировой войны: «Франция и после всех падений и измен остается в духовной своей основе Францией, средневековой, католической, рыцарской, в ней не окончательно умер тот дух, который предков нынешних французов подвинул на крестовые походы. Это почувствовалось во время войны» [16, с. 767]; ср. также [2, с. 473-474;]. Упоминается Бердяевым «рыцарский закал души» и в заключительной части очерков «Духи русской революции», посвященных художественным прозрениям великих русских писателей². Автор приходит к выводу, что чувство антихриста — преимущественно русское чувство, ибо православие, в отличие от католичества, не смогло превратить душу в крепость, «защищенную от антихристовых веяний и соблазнов». Русская душа переживает апокалипсис пассивно, для нее не были изготовлены «активные орудия борьбы с антихристовыми духами»: «Не было лат, не было щита и меча, не было рыцарского закала души. Русская борьба с антихристом есть всегда уход, переживание ужаса» [6, с. 805]. Но эти два случая упоминания Бердяевым рыцарства имеют косвенное отношение к его социально-философскому анализу российской действительности осени 1917 — весны 1918 годов. «Ре-

² Написанные в начале 1918 года, впервые они были опубликованы в 1965 г.

волюционно-социалистический эксперимент», осуществленный большевиками в России, и рыцарский идеал Н.А. Бердяева, реализация которого рассматривалась мыслителем как необходимое условие выполнения русским народом своей всемирно-исторической миссии, оказались принципиально несовместимы.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Была ли в России революция? // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 648–654.
2. *Бердяев Н.А.* Варварство и упадочничество // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 471–475.
3. *Бердяев Н.А.* Германизация России // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 661–666.
4. *Бердяев Н.А.* Гибель русских иллюзий // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 745–751.
5. *Бердяев Н.А.* Демократия и иерархия // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 630–635.
6. *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 775–807.
7. *Бердяев Н.А.* Духовные основы русского народа // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 752–762.
8. *Бердяев Н.А.* Класс и человек // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 726–731.
9. *Бердяев Н.А.* Личное благо и сверхличные ценности // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 673–679.
10. *Бердяев Н.А.* Мир «буржуазный» и мир «социалистический» // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 667–672.
11. *Бердяев Н.А.* Об истинной и ложной народной воле // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 642–647.
12. *Бердяев Н.А.* Объективные основы общественности // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 636–641.
13. *Бердяев Н.А.* Оздоровление России // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 769–774.
14. *Бердяев Н.А.* О свободе и достоинстве слова // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 624–629.

15. Бердяев Н.А. Религиозные основы большевизма. (Из религиозной психологии русского народа) // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 593–598.
16. Бердяев Н.А. Россия и Великороссия // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика, 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – С. 763–768.
17. Бойко В.А. Вторая русская революция и утопический проект духовной аристократии Н.А. Бердяева // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 3, ч. 1. – С. 56–78.
18. Бойко В.А. Концептуальные основания рыцарского идеала Н.А. Бердяева: первые шаги // Идеи и идеалы. – 2017. – № 2 (32), т. 2. – С. 108–119.
19. Бойко В.А. Первая русская революция и развитие рыцарского идеала Н.А. Бердяева // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2 (36), т. 1. – С. 51–63.
20. Бойко В.А. Рыцарский идеал Н.А. Бердяева в книге «Новое религиозное сознание и общественность» // Идеи и идеалы. – 2017. – № 3 (33), т. 2. – С. 94–107.
21. Бойко В.А. Рыцарский идеал Н.А. Бердяева и мировая война // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 2, ч. 2. – С. 395–417.
22. Достоевский Ф.М. Дневник писателя на 1880 год // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 26. – Л.: Наука, 1984. – С. 129–174.
23. Соловьев В.С. Русская идея // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. – СПб.: Наука, 1991. – С. 311–339.

References

1. Berdyaev N.A. Byla li v Rossii revolyutsiya? [Has There Been in Russia a Revolution?]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 648–654.
2. Berdyaev N.A. Varvarstvo i upadochnichestvo [Barbarity and Decadence]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 471–475.
3. Berdyaev N.A. Germanizatsiya Rossii [The Germanisation of Russia]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 661–666.
4. Berdyaev N.A. Gibel' russkikh illyuzii [The Ruin of Russian Illusions]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 745–751.
5. Berdyaev N.A. Demokratiya i ierarkhiya [Democracy and Hierarchy]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 630–635.
6. Berdyaev N.A. Dukhi russkoi revolutsii [The Spirits of the Russian Revolution]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 775–807.
7. Berdyaev N.A. Dukhovnye osnovy russkogo naroda [The Spiritual Foundations of the Russian People]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika,*

1914–1922 [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 752–762.

8. Berdyaev N.A. Klass i chelovek [Class and Man]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 726–31.

9. Berdyaev N.A. Lichnoe blago i sverkhlichnye tsennosti [Personal Good and Supra-Personal Values]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 673–679.

10. Berdyaev N.A. Mir “burzhuaizny” i mir “sotsialisticheskii” [The “Bourgeois” World and the “Socialistic” World]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 667–672.

11. Berdyaev N.A. Ob istinnoi i lozhnoi narodnoi vole [Concerning a True and a False Will of the People]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 642–647.

12. Berdyaev N.A. Ob’ektivnye osnovy obshchestvenosti [The Objective Groundings of the Societal Aspect]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 636–641.

13. Berdyaev N.A. Ozdorovlenie Rossii [The Recuperation of Russia]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 669–774.

14. Berdyaev N.A. O svobode i dostoinstve slova [Concerning Freedom and Integrity of the Word]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 624–629.

15. Berdyaev N.A. Religioznye osnovy bolshevizma [The Religious Foundations of Bolshevism. (On the Religious Psychology of the Russian People)]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 593–598.

16. Berdyaev N.A. Rossiya i Velikorossiya [Russia and GreatRussia]. Berdyaev N.A. *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: publitsistika, 1914–1922* [The Downfall of the Sacred Russian Realm]. Moscow, Astrel' Publ., 2007, pp. 763–768.

17. Boyko V.A. Vtoraya russkaya revoliutsiya i utopicheskii proekt dukhovnoi aristokratii N.A. Berdyaeva [The Second Russian Revolution and N.A. Berdyaev’s Utopian Project of Spiritual Aristocracy]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 3, pt. 1, pp. 56–78.

18. Boyko V.A. Kontseptual’nye osnovaniya rytsarskogo ideala N.A. Berdyaeva: pervye shagi [The Conceptual Bases of N.A. Berdyaev’s Knightly Ideal: the First Steps]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2017, no. 2 (32), vol. 2, pp. 108–119.

19. Boyko V.A. Pervaya russkaya revoliutsiya i razvitiye rytsarskogo ideala N.A. Berdy-
aeva [The First Russian Revolution and the Development of N.A. Berdyaev's Knightly
Ideal]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2018, no. 2 (36), vol. 1, pp. 51–63.
20. Boyko V.A. Rytsarskii ideal N.A. Berdyaeva v knige «Novoe religioznoe soznanye
i obshchestvennost'» [The Knightly Ideal of N.A. Berdyaev in His Book "New Reli-
gious Consciousness and Society"]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2017, no. 3 (33), vol. 2,
pp. 94–107.
21. Boyko V.A. Rytsarskii ideal N.A. Berdyaeva i mirovaya voina [The Knightly Ide-
al of N.A. Berdyaev i the World War]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 2,
pt. 2, pp. 395–417.
22. Dostoevsky F.M. Dnevnik pisatelya na 1880 god [A Writer's Diary for 1880].
Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochinenii*. V 30 t. T. 26 [Complete Works. In 30 vols.
Vol. 26]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 129–174.
23. Solovyov V.S. Russkaya ideya [The Russian Idea]. *Rossiia glazami russkogo: Chaad-
aev, Leontiev, Solovyov* [Russia Through Russian Eyes: Chaadayev, Leontiev. Solovyov].
St. Petersburg, Nauka Publ., 1991, pp. 311–339.

Статья поступила в редакцию 29.01.2026.

Статья прошла рецензирование 20.02.2026.

The article was received on 29.01.2026.

The article was reviewed on 20.02.2026.